

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. В. Кинсбургский

«Долготерпение» российского
народа: проявление толерантности
или низкой политической
культуры?

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dolgoterpenie_Kinsbursky.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

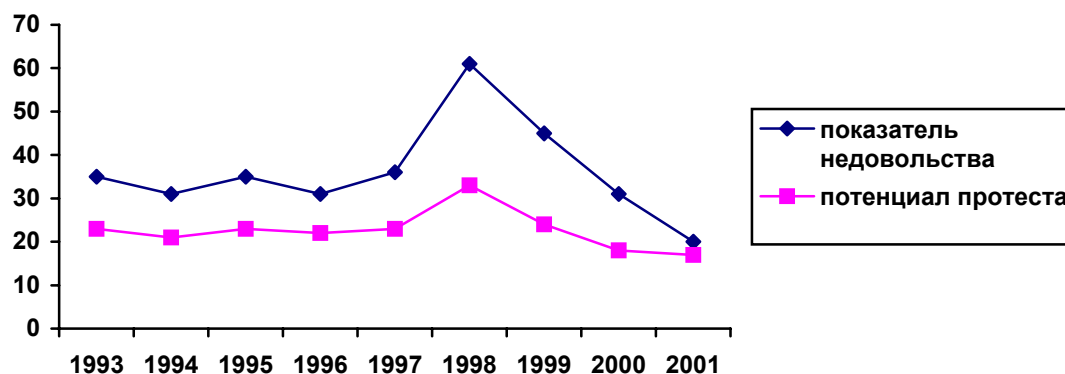
«Долготерпение» российского народа: проявление толерантности или низкой политической культуры?

В рамках отечественной научной и культурной традиции словосочетание «долготерпение российского народа» давно превратилось в общую, расхожую фразу. Из научно-популярной, публицистической и художественной литературы известно, что для российского народа (народов) наряду со склонностью к «бессмысленному и беспощадному» бунту характерен также удивительно большой запас терпения в сложных жизненных ситуациях. Если принять тезис о склонности российского народа к «долготерпению», все же возникает вопрос: какая историческая и социальная реальность стоит за ним, каковы его эмпирические показатели?

Одним из ярких проявлений знаменитого «долготерпения» россиян, на наш взгляд, может служить недавний опыт проведения рыночных реформ в стране. Относительно спокойный и мирный, без массовых беспорядков и катастрофических конфликтов, переход к новому общественному устройству (так сказать «от социализма к капитализму») свидетельствует о незаурядной выдержке и стойкости рядовых граждан, проявленных ими на протяжении целого десятилетия. В начале 90-х гг. естественно было предположить, что резкое снижение уровня жизни основной массы населения в результате либерализации цен и фактической гиперинфляции в 1992 г. неминуемо должно вызвать значительный рост социального недовольства и подъем массового протестного движения.

Действительно, по данным многих социологических опросов, неудовлетворенность условиями жизни в этот период резко подскочила, однако, это сопровождалось не ростом, а, напротив, постепенным спадом протестной активности, например, по сравнению с концом 80-х гг. Об этом говорят не только официальные данные о числе митинговавших, демонстрировавших и бастовавших в те годы, но и результаты обыденного наблюдения динамики протестной активности в стране. Даже резкие обвалы валютного курса рубля и соответствующие скачки цен в результате так называемого «черного вторника» (1994 г.) и «дефолта» (1998 г.) не привели к сколько-нибудь массовым акциям протеста. Из этого можно сделать вывод, что «долготерпение» россиян проявляется в данном случае как противоречие между их «алармичным» сознанием и «анемичным» поведением или, иными словами, в виде длительной и внешне, якобы, неадекватной реакции на неблагоприятные условия жизни в ситуации непрекращающегося общественного кризиса.

График 1. ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО НЕДОВОЛЬСТВА И ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МАСС В 1993-2001 ГОДАХ (в % к общему числу респондентов)

Регулярные и представительные всероссийские опросы ВЦИОМ на протяжении 90-х годов показывают: доля заявлявших, что «терпеть свое бедственное положение уже невозможно» - один из показателей социального недовольства, постоянно была не ниже 30% от общей численности опрошенных и, следовательно, всего взрослого населения страны, т.е. непрерывно составляла не менее 30 млн. человек. В отдельные периоды, например, осенью 1998 г. число критически недовольных выросло до 60%, однако к 2001 г. вновь снизилось до 20%. Судя по этим цифрам, у огромного числа россиян терпение закончилось уже в самом начале рыночных реформ, однако ни к каким массовым действиям протеста, как говорилось выше, это не привело.

Более того, результаты тех же опросов показывают, что потенциал протеста среди людей, остро недовольных своим бедственным положением, на самом деле относительно невелик: доля выразивших готовность принять личное участие в тех или иных протестных акциях, как правило, не превышала 20% от общего числа опрошенных (30% - в 1998 г.) и, следовательно, примерно в 1,5 раза была меньше числа «окончательно потерявших терпение». Понятно, что ряды потенциально готовых к протесту также насчитывали миллионы человек, однако от заявлений протестных настроений до реального участия в акциях протеста еще очень далеко. По данным социологических опросов «реальные протестанты», т.е. те, кто, по их словам, действительно принимал участие в различных митингах, демонстрациях, забастовках и т.п., суммарно составляют всего 1-2% от общего числа россиян.

Таким образом, если «долготерпение» абсолютного большинства в 90-е гг. – эмпирический факт, что тогда скрывается за ответами типа «терпеть свое бедственное положение уже невозможно»? На наш взгляд, такие настроения означают, прежде всего, проявление сдерживаемого социального недовольства, которое, тем не менее,

вполне сочетается с такими социально конструктивными формами поведения как трудовая и учебная деятельность, быт, отдых, воспитание детей (в отличие, скажем, от массовых деструктивных действий типа волнений, беспорядков, погромов, актов насилия и вооруженного сопротивления властям). Из этого сочетания, однако, не следует, что социальным недовольством, проявляемым при опросах и иным образом, можно пренебречь в практике политического и социального управления. Во-первых, оно все-таки находит частичное выражение в адекватных формах протеста – организованных массовых действиях, «протестном» голосовании на выборах и проч., а, во-вторых, при определенных условиях нереализованное социальное недовольство способствует развитию асоциального и антисоциального поведения – политической апатии и безразличию, скрытому саботажу, пьянству, наркомании, уличной и бытовой преступности, суициду и т.п.

Наиболее интересным и важным, на наш взгляд, способом «канализации» и «утилизации» социального недовольства служит эффективная адаптация к быстро меняющимся условиям жизни. Об относительно высоком адаптационном потенциале россиян можно судить хотя бы по тому факту, что около трети «окончательно потерявших терпение» не выразили готовности к личному участию в акциях протеста, однако продемонстрировали стремление решать свои финансовые и материальные проблемы за счет поиска дополнительных заработков и других источников доходов. Вообще, в начале 90-х гг. такая тактика поведения, судя по ответам, была характерна для большинства россиян, независимо от имеющихся у них запасов терпения. К этому можно добавить, что прослеживается эмпирическая закономерность, согласно которой «потенциальные протестанты» более озабочены решением общих политико-идеологических проблем (слабость государственной власти, развал национальной экономики и т.д.), чем преодолением личных, индивидуальных финансово-экономических трудностей. Неудивительно, что среди «потенциальных протестантов» относительно преобладают лица с более высоким уровнем доходов и благосостояния.

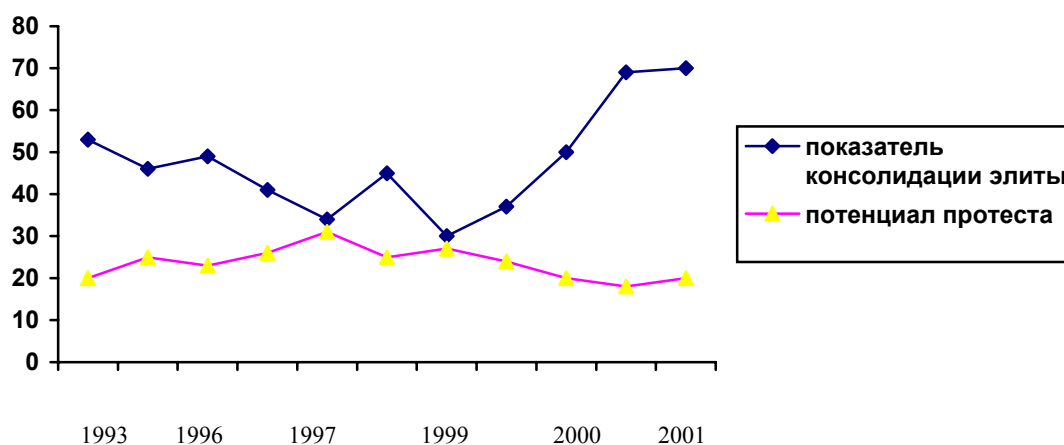
Если рассматривать «долготерпение» российского народа как длительное время сдерживаемое социальное недовольство неблагоприятными условиями жизни в широком смысле слова, естественно возникает вопрос о факторах и пределах такого сдерживания. Что ограничивает проявление недовольства, и при каких условиях эти ограничения действуют?

Среди факторов, ограничивающих возможности проявления социального недовольства прежде всего следует назвать такие как: естественные ограничения (преклонный возраст и плохое состояние здоровье людей), субъективные причины (недостаточная политическая грамотность населения, массовое недоверие политическим лидерам и неверие в возможность «рядового человека» повлиять на решения властей, страх за свою жизнь, особенно, после событий октября 93-го и т.д.) и

политические условия (неразвитость оппозиции, игнорирование ее мнения, а нередко и преследование со стороны властей, отсутствие фактических гарантий безопасного выражения оппозиционной точки зрения). Ограничения возможностей выражения социального недовольства существуют, следовательно, не только на индивидуальном, но и социальном уровне и связаны с состоянием не только массового, но и элитного сознания. Это позволяет предположить: если в результате глубокого общественного кризиса социальное недовольство нарастает, а правящая элита расколота, растеряна и недееспособна, возникают условия для роста массовой протестной активности. И, напротив, если властная, управленческая элита консолидирована, дееспособна и эффективна, у социального недовольства в виде массовых действий протеста практически нет шансов на успех.

Об этом свидетельствуют, в частности, результаты исследований показателей массового протестного потенциала и процесса консолидации российской элиты, проведенных ВЦИОМ, Службой «Vox Populi» и Центром «Глас народа». Связь этих показателей имеет вид «ножниц», т.е. носит явно выраженный обратный характер: чем выше степень консолидации элиты по принципиальным вопросам власти и собственности в стране, тем ниже потенциал протеста масс, и наоборот. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется то, что сохраняющееся достаточно сильное социальное недовольство так и не находит выхода в массовых акциях протеста. Что касается возможных пределов «долготерпения» россиян, то пока они определено не просматриваются, во-первых, потому что все перечисленные выше факторы сдерживания протестной активности продолжают действовать в полной мере, а, во-вторых, в последние два года вроде бы наметилась тенденция к снижению общего уровня социального недовольства.

График 2. ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ КОНСОЛИДАЦИИ ЭЛИТЫ И ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МАСС (в % к общему числу опрошенных представителей российской элиты и населения)

По данным социологических исследований «долготерпение» россиян вполне сочетается также с относительно высокой (по сравнению с другими, скажем, европейскими народами) степенью нетерпимости, отсутствием толерантности в сфере бытовых, человеческих отношений. Не находя адекватного выхода в политике, социальное недовольство стихийно проявляется в грубости, хамстве, зависти, ненависти и т.д. Не способствовал в целом распространению толерантности и массовой культуры общения, взаимопонимания и сотрудничества опыт общественной жизни и общественных отношений в прошедшее десятилетие рыночных реформ, когда обострились старые и возникли новые социальные, национальные и конфессиональные противоречия. Причем большая часть ответственности за это обострение лежит на правящей элите, для которой в последние годы характерно, можно сказать, пренебрежительное отношение к мнениям и интересам «рядового» населения, связанное, видимо, с представлением о том, что общественные настроения либо и так хорошо известны, либо легко управляемы и манипулируемы сверху. Новая властная элита стремится любыми средствами навязать остальным слоям и группам населения свою точку зрения, полностью отождествляет свои интересы с интересами общества в целом, пытается взять на себя *все* функции общественного управления и контроля, не оглядываясь при этом на «рядовых» граждан.

Таким образом, «долготерпение» россиян, проявленное ими на протяжении последнего десятилетия, связано не только с апатией, пассивностью, безразличием, склонностью к всепрощенчеству, внешней покорностью и низкой политической культурой, но и с высокими адаптивными способностями, достаточно прагматичным отношением к жизни и, если так можно выразиться, с массовым государственным и общественным «инстинктом». На уровне обыденного сознания и поведения, видимо, автоматически «срабатывает» следующая закономерность: если государство, в том числе правящая элита, «выдыхается», слабеет, это вызывает беспокойство в массах, мобилизует их общественные интересы, толкает на активные действия. Если государственная власть набирает силу, крепнет, это приводит к развитию относительной пассивности масс, актуализирует частные интересы «простых» людей, заставляет рядовых граждан «отойти в сторону», на задний план общественного и политического развития. Поскольку именно вторая тенденция преобладает в последние годы в России, этим и объясняет отмеченный выше спад социальной напряженности и массовой протестной активности.